

УДК 821.162.1, 82.02
DOI 10.17223/18137083/62/9

Н. Е. Никонова

Томский государственный университет

Польская литература на страницах периодики Сибири 1880–1910-х годов*

Выявляются стратегии восприятия польской литературы на страницах периодики Сибири 1890–1910-х гг. на материале составленной в результате фронтального просмотра изданий библиографии, включающей в себя более 110 публикаций. Впервые дается аналитический обзор характера рецепции наследия авторов польского реализма и представителей «Молодой Польши»; исследуются противоположные индивидуальные стратегии перевода А. Станиславского и И. Северного (И. И. Почекаса). Показано, что специфика наследия польского реализма, его просветительская и назидательная («позитивистская») направленность, а также генетическое родство с традициями романтизма, коррелировали с региональной программой областников, радевших за развитие субэтнической культурной идентичности за счет обогащения словесной культуры, воспитания и образования населения.

Ключевые слова: русско-польские литературные контакты, польская литература, сибирская периодика, регионализм, областничество, имагология, перевод.

Изучение восприятия инонационального литературного наследия на страницах дореволюционной периодики Сибири имеет богатую традицию во многом благодаря одной из научных школ филологического факультета Томского университета, сложившейся на кафедре романо-германской филологии. Художественные переводы, рецензии на постановки пьес иностранных драматургов, критика произведений зарубежной словесности на страницах изданий «Сибирский листок», «Сибирская газета», «Сибирский вестник» и др. представляют научный интерес не только с точки зрения стратегий восприятия, сопоставимых с рецептивными интенциями российского центра, но и для понимания процессов оформления ре-

* Статья подготовлена Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации Томской области (проект № 17-14-70006).

Никонова Наталья Егоровна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии Томского государственного университета (ул. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; nikonat2002@yandex.ru)

гиональной культурной идентичности, складывавшейся за счет прямого сопоставления Своего и Чужого, часто в обход центра.

Достаточно основательно изучены и освещены на данный момент стратегии восприятия английской [Переводы английской и американской литературы..., 2016], французской [Переводы французской литературы..., 2016] и немецкой [Переводы немецкой литературы..., 2016] литературы в периодических изданиях 1890–1910-х гг., в то время как корпус литературных прозаических и поэтических переводов с польского остается не освещенным, хотя занимает третье место по количеству публикаций после художественных переводов с французского и немецкого языков.

Цель настоящей статьи – выявить характерные стратегии и методы исследования восприятия польской литературы на страницах периодики Сибири 1890–1910-х гг., опираясь на составленную в результате фронтального просмотра изданий библиографию, включающую в себя более 110 публикаций.

Выявленный корпус текстов, связанных с рецепцией польской словесной культуры, на 95 % состоит из переводов малой прозы и поэзии, при этом большая часть из них находится в рубриках «Фельетон» на страницах «Сибирской жизни» и «Сибирского вестника». Рецензии на постановки пьес, критические и биографические заметки о польских авторах и их сочинениях насчитывают не более полутора десятков публикаций. Необходимо заметить, что такого рода предпочтения само по себе является специфичным, учитывая характер восприятия французской и немецкой литературы в сибирской литературной периодике этого же периода.

Палитра польских авторов, выбранных сибирскими переводчиками и редакторами изданий, адекватно отражает тенденции в развитии польской литературы рубежа веков. В общей сложности библиография переводов содержит произведения более двадцати авторов-современников, что отличает данную стратегию рецепции от восприятия немецкой литературы, для которого в большей степени характерна ретроспективная ориентация [Никонова, Серягина, 2015]. Эти две особенности восприятия зарубежных авторов связаны, с одной стороны, с тяготением сибирских обозревателей к «чувствительному романтизму» и лирическим сюжетам, которые были восприняты русской литературой во многом благодаря наследию немецких романтиков и понятны читателю в отличие от декадентских течений в европейской литературе начала века, требовавших дополнительных пояснений. С другой стороны, культурная программа областников, реализуемая посредством периодических литературных изданий, была ориентирована, как известно, на формирование сибирской интеллигенции, которая имела бы четкие ценностные ориентиры и служила бы конструированию субэтнической культурной идентичности прежде всего за счет образовательной и просветительской деятельности. Такая задача обусловила ориентацию местных журналистов на произведения польских реалистов с ясным морально-назидательным пафосом, выраженной социальной проблематикой и в то же время с знакомой читателю газеты поэтикой нарратива.

Первой среди наиболее популярных на страницах местной периодики появляется малая проза представителей польского реализма. Публикуются произведения не только главных его представителей (Болеслава Пруса, 1847–1912; Генрика Сенкевича, 1846–1916; Марии Конопницкой, 1842–1910; молодых Стефана Жеромского, 1864–1925; Владислава Реймонта, 1867–1925; Владислава Оркана, 1875–1930), но и менее известных авторов, как то: Александр Святоховский (1849–1938), Иосиф Близинский (1827–1893), Виктор Гомулицкий (1848–1919), Адольф Дыгасиньский (1839–1902) и др. Специфика наследия польского реализма, в частности, с одной стороны, его просветительская и назидательная («позитивистская») направленность, выразившаяся в доминировании социально-идео-

логической проблематики, а с другой стороны, генетическое родство с традициями романтизма, коррелировала с региональной программой областников, радевших за развитие субэтнической культурной идентичности и не в последнюю очередь за счет обогащения словесной культуры, воспитания и образования населения.

В процессе разработки «сибирской идеи» (Г. Н. Потанин), реализации программы культурного и экономического саморазвития и самоопределения региона местные авторы обращаются к освоению иноязычной словесной культуры. На страницах местной печати можно найти подборки реалистических рассказов Б. Пруса (восемь переводов с 1894 по 1903 г.), прозы и поэзии М. Конопницкой (шесть произведений с 1898 по 1903 г.). Наиболее разностороннее освещение получает творчество Г. Сенкевича: в 1891–1911 гг. его имя появляется не менее чем в пятнадцати номерах сибирских газет. Впервые читатель встречается с его рубрике «Объявления» «Сибирской жизни», где сообщается об открытии подписки на полное собрание сочинений писателя в русском переводе Ф. В. Домбровского, при этом сам автор позиционируется как «знаменитый» и «занимающий первое место среди писателей всех стран и национальностей Европы и Нового Света более десяти лет» (Сибирская жизнь, 1898, № 58, с. 1). Читатель получает представление и об актуальной биографии писателя: журналисты «Сибирской жизни» посчитали небезынской новостью о его женитьбе (Сибирская жизнь, 1904, № 99, с. 3) и о его деятельности в качестве критика творчества М. Конопницкой (перепечатка перевода его хвалебного отклика была анонсирована как «оценка известной художницы другим знаменитым художником» – Сибирский вестник, 1903, № 19, с. 2). Среди наиболее интересных фактов дальнейшей рецептивной истории можно найти заслуживающий специального внимания оригинальный перевод знаменитых «Набросков углем», размещенный в шести номерах «Сибирского вестника» за 1904 г. (Сибирский вестник, 1904, № 133, с. 2; № 140, с. 2; № 143, с. 2; № 147, с. 2; № 152, с. 2; № 156, с. 2).

Из откликов театральных рецензентов можно узнать о постановках на томской сцене в 1903 и 1911 гг. самого известного исторического романа Сенкевича «Quo vadis» (1896) о первых христианах Римской Империи. Скрывавшийся под псевдонимом «Неизменный театрал» и обыкновенно очень требовательный В. А. Долгоруков посчитал саму «переделку» слабой, однако некоторые картины «грандиозными», а игру актеров – «сносной», «симпатичной» и «недурной» (Сибирская жизнь, 1903, № 28, с. 3). Спустя восемь лет другой рецензент констатировал: несмотря на то, что «артисты и артистки... взяли ложный, напыщенный тон, старались “терроризировать массу” – и успевали в этом», пьеса все же «имела успех» (Сибирская жизнь, 1911, № 270, с. 5).

Помимо романа Сенкевича на сцене одного из томских театров в 1909 г. была поставлена пьеса Г. Запольской (настоящая фамилия – Корвин-Пётровская, 1860–1921) на сюжет из частной жизни обывателей «Их четверо». Судьбы главных персонажей «трагедии глупых людей в 3-х актах» под нарицательными именами «муж», «жена», «любовник» и «ребенок» изображались Запольской в традициях реализма, резкими натуралистическими штрихами воплощая критику распада традиционных семейных устоев и неверности. Отклик рецензента (Сибирская жизнь, 1909, № 102, с. 4) свидетельствует о том, что постановка оказалась подходящей для местной сцены, была понятной зрителю и имела большой успех: «эта нехитрая сцена без трагических воплей производит ошеломляющее впечатление; холодно делается при взгляде на этого ребенка, прождавшего два часа на морозе свою мать»; «трудно себе представить пьесу, производящую более сильное впечатление, чем эта талантливо написанная трагедия»; «данный спектакль – образец редкого слияния автора, режиссера и артистов»; «зритель забывал, что это сцена, а не сама жизнь». Ценность пьесы происходила, по мнению автора отзыва, оттого,

что «масса зрителей» могла «вынести из нее так много поучительного». Реализм Г. Запольской благодаря универсальности социально-критического пафоса получил отклик у лучших переводчиков с польского, печатавшихся в сибирской периодике. Так, один из ее самых известных сюжетов, комически представляющий невысокие отношения в браке и легший в основу пьесы, впервые представленной в 1897 г., был воспроизведен в оригинальном и, очевидно, одном из первых русских переводов А. Станиславским, опубликовавшим рассказ «Жабуся» в сокращенной версии в приложениях к «Сибирскому вестнику» за 1893 г. (Сибирский вестник, 1893, № 7–10, с. 1).

Таким образом, реалистическое направление польской литературы стало объектом восприятия сибирских литераторов, зрителей и переводчиков во многом благодаря схожести программных установок местных авторов: ориентация на назидательность, социальную проблематику, на широкую целевую аудиторию.

Несколько иное отражение в сибирской литературной периодике получает возникшая в конце 1890-х гг. доктрина «Молодой Польши», стремившаяся объединить реалистические принципы социально заостренного и гуманистического искусства с философско-метафизической проблематикой модернизма. Противопоставление «младопольцами» самих себя традиционной реалистической школе, пропагандируемый ими эстетизм, некоторая оторванность литературы от повседневности, по замечанию В. А. Хорева, по-настоящему не воплотились в действительность в польском литературном процессе, т. е. не препятствовали тому, чтобы литература и другие виды искусства завоевывали широкие круги, становились общественным явлением (см. подробно [Хорев, 2005]). Сохранялась в их сочинениях и характерная для предшествующих периодов национально-освободительная проблематика, идея собственной государственности, которая в ее умеренных реализациях не могла не обратить на себя внимания томской журналистики. Однако, в силу известной по итогам изучения стратегий восприятия английской, немецкой и французской литературы консервативной ориентации сибирских авторов, ориентировавшихся на шедевры русской классики XIX в. и воздерживавшихся от заимствования новейших модернистских течений, наследие представителей «Молодой Польши» не вызвало такого живого отклика, как реалистическое творчество их предшественников, хотя основные новаторские тенденции художественной манеры получили освещение в местной печати.

Наиболее популярными представителями молодого течения, чье творчество было отражено на страницах региональной периодики 1901–1903 гг., стали поэты К. Тетмайер (семь переводов) и А. Немоевский (четыре публикации). Однако только два сочинения Тетмайера и два произведения Немоевского являются оригинальными переводами, выбранными сибирскими авторами. При этом в них импрессионистическая символика смерти Тетмайера оказывается отодвинутой на второй план, уступая место универсальной социально-антропологической проблематике. Если в перепечатках («Любовь», «Тень», «Из воспоминаний художника. К. Тетмайера») актуализируется исключительно эстетика смертельного сюжета, то в рассказах «На небо» и «Лавры» изображены судьбы персонажей, устроенные тем или иным образом из-за их социального происхождения. История бедствующей девушки-сироты Гани (в переводе М. А. Берк), замерзшей под снежным покровом в горах и нашедшей таким образом единственный для себя возможный путь «на небо», «к Богородице», соединяет в себе экстатическое состояние накануне смерти с ортодоксальным религиозным чувством и неотрывными от реализма мотивами социальной несправедливости. Сочувствием к «заблудшему» интеллигенту организован сюжет рассказа «Лавры», повествующего о «прозрении» старого поэта, отпраздновавшего полувековой юбилей творческой деятельности, после того как он стал заочным свидетелем убийства, совершенного в кругу его прислуги. «Презрение к себе» главного героя в финале и его «стыд за свою

жизнь», оторванную от будней простого народа, очевидно, должны были послужить назиданием определенному кругу читателей сибирской газеты, что определило и выбор переводчика.

Схожую стратегию восприятия можно выявить в результате анализа сюжетов и мотивов опубликованных на страницах «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» прозы и поэзии А. Немоевского. Универсум пролетария, труд, заменяющий ему религию, выразился в самом известном цикле писателя «Листопад», и две поэтические медитации в прозе из этого цикла, которые изображают понятные сибирякам образы рабочего на фабричном корабле и шахтера («Автоматы» и «Подземные голоса»), появляются в томской периодике 1903 г. в виде перепечаток из «Северо-Западного слова» (Сибирская жизнь, 1903, № 193, с. 3) и «Южного обозрения» (Сибирская жизнь, 1903, № 261, с. 2–3). В то же время эксплуатирующий образы античной мифологии («Ось новую мира циклопы куют...») – Сибирская жизнь, 1901, № 95, с. 2) стихотворный отрывок и четыре пейзажные натурфилософские «миниатюры» Немоевского привлекают местных переводчиков, очевидно, в большей степени, чем его пролетарская поэзия. Учитывая, что «Миниатюры» («В вышине», «Жизнь», «Два поколения», «В пространстве», «Две тени» – Сибирская жизнь, 1908, № 13, с. 2) в переводе В. Фукс появляются уже после событий 1908 г., когда революционный пафос становится основным для «младопольцев», выбор в пользу притч-зарисовок видится симптоматичным в плане характеристики регионального восприятия новейших течений зарубежной литературы рубежа веков.

События 1905 г. изменили характер рецепции польской литературы в сибирской печати. Финальную черту в истории восприятия «Молодой Польши» на страницах дореволюционной сибирской периодики подводит опубликованный в апреле 1908 г. обширный критический очерк, подписанный Павлом Николаевым. Указаний на источник заимствования не обнаруживается, как и более подробных данных об авторе эссе. Заглавие статье «Силуэты польских писателей» дано, очевидно, не без влияния изданной в 1906 г. серии очерков «Силуэты русских писателей» критика-импрессиониста Ю. И. Айхенвальда [1906], в манере которого автор пишет о самых значительных, с его точки зрения, «младопольцах» – К. Тетмайере, С. Пшибышевском и А. Немоевском.

Подобно Айхенвальду, он превозносит индивидуальность художника слова, характеризуя его манеру в духе тех же мистических представлений о поэте. Парадоксальным образом залогом гениальности героев его очерка становится тесная взаимосвязь с «историческим пространством и временем» (Ю. И. Айхенвальд), а не оторванность от них, хотя в предисловии к трехчастной заметке П. Николаев и пишет: «Выбрав кардинальных польских писателей, я и в произведениях их буду останавливаться только на более ценном для характеристики писательского творчества» (Сибирская жизнь, 1908, № 75, с. 2).

Критический очерк организован мыслью имагологического плана: автор, убежденный в справедливости идеи близости русского и польского народов, отмечает: «Литературы двух ветвей великого славянского народа идут рука об руку и вызывают равномерный интерес и уважение к себе на Западе». Точки пересечения видятся ему в исканиях русской и польской интеллигенции в сфере «устроения совместной жизни лиц обоего пола», «создания нового “credo”», «ломки обветшалых традиций» (Там же). Немаловажно то, что основанием для этого сближения Николаев считает количество русских переводов с польского: «Количество переводов той или другой иностранной литературы может служить если не единственным, то во всяком случае существенным доказательством процветания этой литературы и глубокого интереса к ней читающей публики, а если к этому добавить еще чувство сожаления читателя из-за незнания языка того народа, с литературой которого он знакомится, даже по хорошим переводам, то, я думаю, цен-

ность такой литературы делается вполне несомненной. Подобное явление наблюдается у читающей русской публики к произведениям польских писателей. Никогда наша переводная литература не обогащалась такой массой переводов с польского, никогда писатели так быстро не завоевывали прочных симпатий у русских читателей, как в настоящий момент» (Сибирская жизнь, 1908, № 75, с. 2). Публикация этого тезиса на страницах сибирской прессы 1908 г. имела соответствующий фундамент, поскольку 85 % переводов с польского, опубликованных в местных газетах, по нашим подсчетам, к этому моменту уже нашли своего читателя.

Портреты трех писателей, изображенных Николаевым, исполнены в импрессионистических тонах. Пшибышевский изображен как «артист в душе и философ раздумья», Немоевский – как «разбивавший пласты угля в душных каменно-угольных копях, покрытый потом и мелкой черной пылью», «надрывающийся над тяжелой, полной риска работой», а Тетмайер видится автору «то гордым анархистом, требующим себе своих читателей, то самовлюбленным Нарциссом, склонившимся над зеркальным “стихотворениями в прозе”». Новаторство каждого из своих героев Николаев определяет довольно точно. Самой ценной в прозе Пшибышевского, по его мнению, является идея свободы индивидуальности: «Торжество внешних моральных и эстетических законов – торжество не полное, к нему шел индивид, насилюя себя, – важно и дорого проникновение ими свободное, индивидуальное, тогда личность есть нечто полноправное, самобытное; она не умирает, духовно зажатая в тисках традиций и обрядов». «Великой заслугой» Немоевского видится ему «проповедь труда, постановка пролетария на видное место». К Тетмайеру он направляет тех, «кто переживает момент титанического подъема или удручен страданиями затаенной гордости»: в его произведениях он увидит презрение к толпе, «у которой никогда не дрожит сердце – кровавое, трагическое страшное» (Там же).

Необходимо отметить, что личность и проза Пшибышевского, в отличие от двух других писателей, не нашла переводческого и критического восприятия в сибирской дореволюционной периодике, его имя упоминается единственный раз, в последней по хронологии публикации, анонсирующей польскую литературу. Из рубрики «Литературный дневник» «Сибирской жизни» за 1913 г. читатель мог узнать, что «Вышло из печати “Wyzwolenie” (Освобождение) Ст. Пшибышевского, вторая часть его “Сильного человека”» (Сибирская жизнь, 1913, № 94, с. 4).

Прецедент восторженного, идеологически ориентированного очерка П. Николаева не имеет типологического соответствия в общей картине восприятия польской литературы в Сибири второй половины 1900-х гг. После погромов 1905 г. и закрытия «Сибирского вестника» среди переводов с польского, опубликованных в «Сибирской жизни», не находится произведений представителей современной польской литературы, вероятно, в силу того, что большинство из них приняло ориентацию национально-патриотического или социально-политического толка. Местные переводчики обращаются к нейтральной с точки зрения цензуры, но актуальной с позиции областнической программы культурного развития региона краеведческой тематике. В целом же количество переводов с польского значительно уменьшается, что связано с активной политической ангажированностью большей части польских литераторов после 1905 г., отразившейся в их произведениях. Так, в 1906–1908 гг. («Сибирская жизнь» выходила до 1919 г.) печатаются всего четыре произведения с пометой «перевод с польского», все они в большей или меньшей степени имеют очерковый характер путевых заметок и отражают колорит нравов различных этнических групп или рисуют природные картины. Так, напечатанный в трех номерах крупный рассказ М. Темерсона «Манза» повествует о жизни и актуальных событиях в Маньчжурии (Сибирская жизнь, 1906,

№ 14, с. 2; № 16, с. 2; № 19, с. 2), в 1908 г. печатаются «сибирский эскиз» известного этнографа и географа А. Шиманьского «Виновен ли?» (Сибирская жизнь, 1906, № 73, с. 2; № 78, с. 2) и «индийская легенда» Г. Сенкевича «Две долины» (Сибирская жизнь, 1908, № 221, с. 2).

Центральным звеном в реализации этой рецептивной стратегии выступает отражение на страницах «Сибирской жизни» истории и критического восприятия перевода поэмы «Киргиз» Г. Зелинского, изданного в 1910 г. товариществом «Бытовая Сибирь» в Томске с этнографически точными рисунками художников Г. И. Гуркина и В. Н. Белослюдова. Автором перевода выступил сибирский писатель, последователь областнических идей Г. Д. Гребенщиков, с творчества которого началась сибирская литература как таковая. В сентябре 1910 г. в «Сибирской жизни» был напечатан отрывок из его перевода. «Пир у Бия» представлял собой жанровую зарисовку, не отражающую сюжета и конфликта поэмы, но наполненную этнографическими реалиями. Из небольшого фрагмента читатель мог узнать, что такое «юрта» и «джвалух», «махан» и «кумыс», о внешности «остроскулых и усатых» киргизов и их «бледных жен» (Сибирская жизнь, 1910, № 214, с. 3). Этот отрывок выглядит органично в контексте переводов с польского и других литературных публикаций этого периода, отражающих имагологические интенции областнической программы, этнографические разыскания ее приверженцев и стремление изучить и осветить традиции и обычаи народов Сибири и других регионов Российской империи как в научно-популярном, так и в публицистическом и литературно-художественном дискурсе. Замысел перевода поэмы и его воплощение были непосредственно связаны с наставничеством Г. А. Потанина, благодаря поддержке которого Г. Д. Гребенщиков переехал в Томск в 1909 г. и наследником идей которого себя позиционировал при сознательном конструировании «автобиографического мифа» (подробнее см. [Горбенко, 2016]).

С точки зрения исследования истории и стратегий восприятия польской литературы представляет интерес компетентный и доказательный отзыв на вышедший из печати полный перевод «Киргиза», опубликованный в феврале следующего 1911 г. (Сибирская жизнь, 1911, № 46, с. 5). Критический очерк принадлежал перу А. С. Качоровской, известной к этому времени своими трудами по проблемам современной литературы и философии, выпущенными отдельными изданиями в Санкт-Петербурге [Качоровская, 1904] и Томске [Качоровская, 1910]. Качоровская знакомит читателя с кратким содержанием поэмы и определяет ее философско-эстетическое своеобразие, полагая, что в истории похищенного в детстве джигита, укравшего свою возлюбленную (дочь убийцы своего отца) и погибшего с ней в степи от огня, посланного им вслед, «Зелинский представил психику порывов в соприкосновении со степью; показал развивающуюся энергию этого соприкосновения и зарисовал последовательное падение этих порывов»; «словом, дал философское объединение людской жизни со стихией в безлюдности; представил подавленные гулы недр психики совпадающими в тональностях со степью». Современные исследователи, обращающиеся к наследию Г. Зелинского, также подчеркивают, что польского писателя, изучившего в сибирской ссылке труды по культурологии и социологии, «интересовала не только местная экзотика, но и сама философия свободы» [Абдуллина, 2014, с. 10]. Разбор Качоровской до сих пор сохраняет свою актуальность и представляет не только адекватное литературоведческое прочтение произведения, но и тонкие наблюдения переводоведческого плана.

Говоря о методе переводчика, автор очерка отмечает: «к сожалению, г. Гребенщиков понял эту поэму как бытописание», «философско-эстетическая сторона не была им принята во внимание (хотя уже самое слово «поэма», генетически означающее философско-офантазированное мировосприятие, должно было под-

сказать значимость большую, чем бытописание)», «именно поэтому образы Зелинского потеряли для г. Гребенщикова самодовлеющее значение и перестали быть неприкосновенными: в первых двух главах своего перевода он доходит иногда до простой импровизации по плану Зелинского» (Сибирская жизнь, 1911, № 46, с. 5). К примеру, оказывается, что песнь киргиза, которую Качоровская дает в собственном дословном переводе, реализует в интерпретации Гребенщикова смыслы, противоположные оригиналу: в русском варианте герой соединяется с пращурами в гармоническом пении, в оригинале же песнь прадедов становится все тише, замолкая в безлюдности степи, предвещающей смерть джигиту.

И хотя итоговый «вердикт относительно всего перевода в целом» гласит, что «г. Гребенщиков виновен в неосмотрительном переводе», Качоровская признает, что «бытовые черты, разбивающиеся на частности и детали», например «ритуал Баксы, перекочевья киргиз и отдельные моменты степного пожара», у переводчика получается передать «гораздо удачнее». Так или иначе, будучи помещенной в адекватный культурно-исторический, социально-политический и имагологический контекст, этот фрагмент русско-польских литературных контактов, открывающийся в региональной печати, становится более ясным. Интенции Гребенщикова-переводчика и областника, определившие его стратегию в обращении с польским оригиналом, отражают характерные тенденции развития литературного процесса региона, обратившегося на данном этапе к инациональным литературам как к носителям искомой культурной рефлексивности, то есть как к посредникам. Полемика, возникшая в статье Качоровской, свидетельствует о наличии альтернативной позиции, не ограничивавшейся регионализмом, ориентированной на широкий горизонт русско-зарубежных литературных контактов. При обращении к литературному регионализму следует учитывать обе упомянутые позиции, поскольку субъект рецепции в данном случае играет не менее важную роль, чем ее объект.

В этом контексте следует обратить внимание на благоприятную для рецепции польской словесности в Сибири рубежа веков почву, которую представляла местная польская диаспора. В конце XIX – начале XX в. польское население Сибири составляло, по данным переписи 1897 г., 23 985 человек [Скубневский, 1998, с. 171]; в Томской губернии было более 60 населенных пунктов, где проживали польские переселенцы в количестве 20 и более человек [Островский, 2001, с. 122]. Российские и местные власти небезосновательно считали перспективными потенциал поляков в колонизации Сибири и возможность положительно влиять на сибирское население. Только 1890-е гг. в университетском Томске, где издавалась большая часть анализируемых периодических литературных изданий, были открыты первая польская библиотека, организовано католическое благотворительное общество, положено начало строительству интерната для польских детей, получено благословение папы Леона XIII для Томского прихода [Нам, 2010, с. 320]. На страницах периодики появляется образ поляка-ссылного, сближающийся с образами декабристов и транслируемый, в первую очередь, областниками, симпатизировавшим идеям автономии, с одной стороны, а с другой – инициировавшим тщательное изучение Сибири. Именно они посредством публицистических заметок вводят в научный оборот большое количество новых (в основном местных источников), освещающих историю сибирской колонии [Чернова, 2015] и включающих ее таким образом в контекст сибирской жизни. Переводы с польского следует рассматривать как часть этого процесса. Важный вопрос связан с кругом авторов этих переводов, среди которых обнаруживаются несколько центральных фигур, выпустивших собственные циклы. Среди них необходимо выделить авторов, опубликовавших наибольшее количество переводов с польского, – А. О. Станиславского (не менее 15 переводов) и И. И. Почекаса (не менее 14 переводов). Сопоставление их переводных публикаций позволяет понять важность творче-

ских установок и личности субъекта региональной рецепции инациональных традиций и тенденций в литературе.

Артур Оскарович Станиславский (1845–1897) оказался в Томске, уже будучи в зрелом возрасте и имея богатый опыт общественной, эдиционной, литературной и производственной деятельности. Поляк по происхождению, он успел познакомиться с немецкой и французской культурой, спасаясь в Европе от преследования после восстания 1863 г. Не понаслышке он знал и восточные регионы Российской империи благодаря службе на коях Урала и Алтая по возвращении из Европы. Его отец Оскар Петрович более 15 лет работал цензором в Варшаве и осуществлял издание «Encyclopedia Polska», привлекая к этому сына. Поселившись в Томске, А. О. Станиславский продолжал переводить и писать для сибирских, польских и французских газет на разные темы. Его переводы в томской периодике представляют собой значительное собрание зарубежной прозы, которое заслуживает специального исследования. С 1890 г. по 1898 г. были опубликованы более 40 переводов А. О. Станиславского с французского языка, среди них подборки рассказов А. Доде и Г. де Мопассана, а также множество произведений, авторство оригинальных текстов которых не указывалось. Он пробовал также переводить с немецкого и английского. С уверенностью можно говорить о заглавной роли этого автора в организации межкультурного трансфера, просветительской деятельности и формировании стратегии «Сибирского вестника» как печатного органа. Деятельность Станиславского-переводчика имела культуртрегерское значение, не ассоциируясь ни с одной из лингвокультурных традиций в большей степени, чем с иной. Находясь на пересечении культур и цивилизаций, Станиславский представляет все же западную, европейскую модель мировоззрения. Выбранные им для перевода рассказы исполнены в основном в реалистическом стиле и реализуют актуальный фон историко-культурных событий (армейская жизнь, будни интеллигента, судьбы арестантов), но практически не затрагивают популярный в то время женский вопрос, в большинстве случаев герои его переводов в юмористическом ключе воспроизводят образы современников. Особенно часто сюжет его текстов связан с событиями Франко-прусской войны, свидетелем которых он был, находясь как в Германии, так и во Франции.

Если говорить о подборке его переводов с польского, то события пяти из выбранных переводчиком рассказов разных авторов происходят на фоне противостояния немцев и французов. Так, в переводе из И. Рогоша «Жанетта» (Сибирский вестник, 1893, № 7, с. 1; № 10, с. 1) повествуется о том, как юная особа провела прусского офицера, заставив его мерзнуть на балконе. В рассказе «Буланжист» из Ц. Валеvской иронически рисуются перипетии в жизни носителя реваншистской идеи, завершающиеся аполитичным увещанием автора: «Дурак только тот, кто грустит» (Сибирский вестник, 1894, № 7, с. 2). В переводе под названием «С караула» рассказывается о незавидной судьбе дезертира (Сибирский вестник, 1894, № 69, с. 2). В рассказах «Нарочный» и «Поденщик» раскрываются необычные истории из повседневных будней «простых мужиков», встретивших на своем пути чудесные или забавные явления, что сближает их с жанром «необыкновенных происшествий» или анекдотов, популярным в западноевропейской литературе. О таком же случае из жизни литератора, возвращающегося с заработком домой, идет речь и в «Приключении в вагоне» (Сибирский вестник, 1895, № 134, с. 2). Развлекательно-юмористический характер приобретает и интрига в рассказе «После спектакля», в котором посещение театра, которое должно было стать сюрпризом на годовщину свадьбы, расстроило молодую супружескую пару. Удрученный герой истории заключает: «Прежде было иначе. Бывало, смотришь грустную пьесу, а все-таки человек веселее возвращался домой, теперь же... он только рукой махнул. Нужно еще и деньги платить за то, чтоб нам жизнь отравляли?.. Ну, теперь – дудки, во второй раз не поймают» (Сибирский вестник, 1894,

№ 60, с. 2). Таким образом, индивидуальные предпочтения переводчика определяют художественную манеру, сюжетное своеобразие и тематику выбранных им произведений, при этом значимость имени автора польского оригинала не является принципиально важной. В фокусе внимания Станиславского находятся как снискавшие мировую славу Г. Сенкевич (одна новелла – Сибирский вестник, 1891, № 21, с. 2) и М. Конопницкая (один эскиз – Сибирский вестник, 1893, № 17, с. 2), так и менее известные беллетристы М. Балущкий, И. Рогош и Ц. Валевская, в четырех случаях автор оригинала не указывается. В отношении текстов, авторство оригиналов которых определено на сегодняшний день, можно утверждать, что повторно Станиславский обращается только к творчеству Ц. Валевской (урожденной Залеской), выбрав для перевода ее рассказы «Нет!», «Буланжист» и «С караула». Самым известным из переведенных является эскиз М. Конопницкой «Со взломом», вольный сокращенный перевод которого был размещен на страницах «Сибирского вестника» за 1893 г. Определение манеры обращения Станиславского с оригиналом, меру точности его переводов еще предстоит определить.

Иной тип переводчика представляет собой фигура Ивана Ивановича Почекаса (ум. в 1906 г.), подписывавшегося псевдонимом Иван Северный. Как установлено В. Н. Голдиным, он был одним из первых поэтов – уроженцев Тобольска, где учился в гимназии, после чего окончил университет в Одессе и вернулся в Тобольск, а затем переехал в Томск. Тема Сибири, «ностальгия по малой родине, ее просторам – главное в его творчестве»¹.

Наследие И. Северного как переводчика не менее значительно, чем наследие А. Станиславского, однако художественное мировоззрение сибирского поэта кардинально иное. Среди его публикаций находятся семь переводов из немецкой литературы, пять – с французского и более десятка – с польского. При этом все переводы с немецкого выполнены в результате обращения к поэзии классиков, среди которых Новалис (две публикации), Г. Гейне (три перевода), И. В. Гете (одно стихотворение) и обратные переводы стихов М. Ю. Лермонтова (два произведения). С французского И. Северный переводит как поэзию, так и прозу, однако его выбор останавливается исключительно на произведениях с лирическим, мистико-романтическим или сентиментально-элегическим сюжетом: поэта привлекают сочинения К. Мендеса («Суд над розами» – Сибирский вестник, 1894, № 41, с. 2; «Другой» – Сибирский вестник, 1894, № 118, с. 2), Ж. Леметра («Любовь» – Сибирский вестник, 1895, № 35, с. 2), поэтический отрывок из «Orientales» В. Гюго («У моря я стою в сиянии луны...» – Сибирский вестник, 1896, № 255, с. 2).

В число его переводов польской литературы, опубликованных преимущественно в 1894–1896 гг., включаются стихотворные и прозаические тексты, дважды к творчеству одного автора переводчик не обращается. Любовная тема в сентиментальном звучании организует нарратив первого же перевода с польского – рассказа «Роза», заглавие которого метафорически отражает образ юной невесты, получившей благословение матери на замужество (Сибирский вестник, 1894, № 118, с. 2). Та же тематика, реализованная в романтическом ключе, воплощается в переводе «праздничного эскиза» «Взглядами», повествующего о возникновении чувств молодых людей во время танца на балу, завершается история характерным заключением автора: «Грезы улетели, как золотые пылинки с заходом солнца... действительность протянула свою холодную руку между двумя парами глубоких, размышлявших очей...» (Сибирский вестник, 1894, № 102, с. 2). Аналогичная стилистика раскрывается и в небольшом переводе с польского «Сладкие грезы»,

¹ Голдин В. Н. Забытые имена тобольских поэтов // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2014/06/04/388> (дата обращения 18.07.2017).

главный герой которого видит сон о взаимном нежном признании влюбленных на лоне майской природы («Май, месяц любви и соловьев...» – Сибирский вестник, 1895, № 103, с. 2). Характерно то, что публикации именно этих переводов не содержат указаний на имя автора оригинала, которое обыкновенно дается, в том числе и к переводам И. Северного. Можно предположить, что такое решение обусловлено стратегией присвоения, реализованной при переводе сочинений, близких ему по своей художественной манере и стилистике. С другой стороны, столь очевидные соответствия сюжетов и мотивов позволяют говорить о них как о возможных псевдопереводах, которые были типичны для поэтических опытов сибирских авторов [Тихомирова, 2014], в том числе для переводного наследия И. Северного.

Однако в переводах Северного из польской литературы возникает не характерная для других его сочинений и переводов тематика, связанная с социальным протестом, социальной несправедливостью, критикой власти. И хотя она облачена в предпочитаемую автором риторику поэтических метафор чувствительного романтизма или штюрмерства, ее присутствие именно в рецепции сочинений польских писателей является симптоматичным. Наиболее выразительными в данном отношении видятся стихотворные переводы «Илотка» (из Артура Оппмана), «Чернь Цезарю» (из Марии Конопницкой), «Песнь старцев» (из неизвестного автора).

Оппман-поэт, по замечанию автора статьи о нем в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона А. И. Яцимирского, «склонен к мечтательности и слезливости, изящен в своей тоске», отличает его от «энергичных, стремящихся к абсолюту или влюбленных в себя молодых польских модернистов», а «его нежные и ласкающие стихи, задушевные и жалобные песни не открывают новой области мысли и чувств»². Подобные черты резонируют с манерой И. Северного и обуславливают его выбор, однако в финальных словах Илотки (невольницы), убившей влюбленного в нее господина, все же слышен актуальный на рубеже XIX–XX вв. социальный протест «униженных и оскорбленных» женщин: «А я, непорочность и честь потеряв, / Тирана убив своего, / Умру, но умру я, счастливая тем, / Что гибну на трупе его!» (Сибирский вестник, 1894, № 148, с. 2). Античная образность, любимая И. Северным, во многом определяет и его выбор стихотворения М. Конопницкой, в котором в роли равнодушного эксплуататора, которому «чуждо состраданье», выступает Цезарь: «Ave Caesar!.. Как мы рады, / Что тяжелою стопой / Ты гнетешь народ» (Сибирский вестник, 1896, № 216, с. 2).

И. Северный (И. И. Почекас) во многом определил характер восприятия инонациональных литератур сибирскими читателями, и творческая индивидуальность сибирского поэта отразилась на характере этой рецепции.

Восприятие польской литературы на страницах сибирской дореволюционной печати, с одной стороны, представляет интерес в плане изучения словесной культуры территории, субэтнического самосознания, формировавшегося в условиях фронта и впитывавшего тенденции, во многом альтернативные диктуемым имперским центром. С другой стороны, русско-польский диалог в исполнении журналистов сибирских изданий заслуживает специального внимания как прецедент рецепции, характерной для периода рубежа XIX–XX вв., представляющего особый этап в истории межкультурных контактов двух славянских народов, который видится исключительным в сопоставлении с другими, гораздо более подробно изученными периодами и сегментами в истории русско-польских связей.

² https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Оппман,_Артур

Список литературы

- Абдуллина Л.* О некоторых параллелях в польской и русской поэзии XIX–XX вв. (Поэма Густава Зелинского «Киргиз» и русский перевод Георгия Гребенщикова) // *Acta Polono-Ruthenica*. 2014. Т. 19. S. 7–16.
- Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей. Вып. 1. М., 1906.
- Горбенко А. Ю.* Жизнестроительство Г. Д. Гребенщикова: Генезис, механизмы, семантика, контекст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.
- Качоровская А. С.* Проблемы общественного материализма. СПб., 1904.
- Качоровская А. С.* Заметки о модернизме: Шарль Бодлэр. Томск, 1910. 30 с.
- Нам И. В.* Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 315–355.
- Никонова Н. Е., Серягина Ю. С.* Поэзия Н. Ленау на страницах томской периодики начала XX в.: резонансы переводческого восприятия // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2015. № 6. С. 196–200.
- Островский Л. К.* Польские крестьяне в Сибири (1890-е – 1930-е гг.) // Сибирско-польская история и современность: Актуальные вопросы: Сб. материалов междунар. науч. конф. / Ред. Б. С. Шостакович и др. Иркутск, 2001.
- Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия / В. Н. Горенинцева, Н. Е. Никонова, Д. А. Олицкая и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 252 с.
- Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия / Н. Е. Никонова, Ю. С. Серягина, Д. А. Олицкая и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 204 с.
- Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия / Н. Е. Никонова, Д. А. Олицкая, В. Н. Горенинцева и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 280 с.
- Скубневский В. А.* Польское население Сибири по материалам Переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: Региональные центры = *Polscy zesłańcy w Rosji XIX–XX stuleciu: Ośrodki regionalne*. Казань: Мастер Лайн, 1998.
- Тихомирова Ю. А.* Псевдопереводы Г. А. Вяткина из Роберта Бернса // Художественный перевод и сравнительное литературоведение: Сб. науч. ст. М.: Флинта, 2014. С. 393–401.
- Хорев В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005.
- Чернова И. В.* Образ поляка в сибирских периодических изданиях конца XIX – начала XX в. // Польские ссылки в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии Российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: Сб. научн. тр. Омск: Полиграф. центр КАН, 2015. С. 354–361.

Список источников

- Сибирская жизнь: газета политическая, литературная и экономическая. Вых. ежедневно. Томск, 1894–1919.
- Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1885–1905.

N. E. Nikonova

*Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
nikonat2002@yandex.ru*

Polish literature in Siberian periodicals of the 1880–1910s

Studying the foreign national literary traditions in the pre-revolutionary Siberian periodicals has a rich tradition owing to one of the scientific schools of the TSU Faculty of Philology. Literary translations, reviews on foreign authors' plays, critics of foreign literature in such periodicals as «Sibirskii listok», «Sibirskaya gazeta», «Sibirskii vestnik» are of scientific interest not only in terms of perception strategies, correlating with the receptive intentions of the Russian Centre, but also as an indicator of the regional cultural identity that has been formed due to the binary opposition of Self-Alien.

The paper aims at displaying the most common research methods and strategies of the Polish literature perception in Siberian periodicals of the 1880–1910s. The data for the study is based on frontal review of more than 110 publications. The corpus of texts related to the reception of Polish verbal culture is 95 % composed of flash fiction and poetry translations. The majority of the texts go under the heading «Feuilleton» in «Sibirskaya zhizn» and «Sibirskii vestnik». About fifteen publications represent reviews on staging, critical and biographical features about Polish authors and their works. It is worth mentioning that such preference is specific itself, given the perception of French and German literature in the Siberian periodicals of the same period.

The range of Polish authors, selected by Siberian translators and editors, adequately reflects the tendencies in the development of Polish literature at the turn of the century. The bibliography of translations consists of the works written by more than twenty contemporary authors. This research strategy could be named specific, compared with the perception of the German literature with its retrospective dominant. The first of the most popular genres in the local periodicals is flash fiction written by the representatives of Polish realism such as Boleslav Prus (1847–1912), Genrik Senkevich (1846–1916), Mariya Konopnitskaya (1842–1910), the young Stefan Zheromskii (1864–1925), Vladislav Reimont (1867–1925), Vladislav Orkan (1875–1930) etc. The main features of Polish realism legacy, in particular, its educational and didactic («positivism») orientation, expressed in the predominance of the socio-ideological problems, on the one hand, and its genetic cognation with romanticism traditions, on the other hand, correlated with the regional program provided by oblastniki. This program was aimed at the development of subethnic cultural identity by means of enrichment of verbal culture and increasing the level of education of the population.

The principal form of Polish literature reception in Siberian periodicals in late 1890s-early 1900s is translations. Hence the issue of the matter deals with the range of translators, among whom there are a few fundamental figures with their own publications. A. O. Stanislavskii (13 translations) and I. I. Pochekas (12 translations) published the largest number of translations from Polish to Russian. The comparison of their translation works allows comprehending the importance of the creative purposes and the personality of the subject of the foreign national regional reception and the reception of literary tendencies.

The perception of Polish literature in pre-revolutionary Siberian periodicals is of interest in studying the verbal culture of the area, its subethnic self-consciousness absorbing trends that are alternative to those dictated by the Imperial Center. However, Russian-Polish dialogue, provided by journalists of the Siberian periodicals, deserves close attention itself as a precedent of resonance reception, typical for late 1890s-early 1900s. This period represents the special stage in the history of multicultural communication between two Slavic nations. This stage could be considered as the exceptional one comparing with others, much more thoroughly studied periods of Russian-Polish relations.

Keywords: Russian-Polish literary contacts, Polish literature, Siberian periodicals, regionalism, oblastnichestvo, imagology, translation.

DOI 10.17223/18137083/62/9

References

- Abdullina L. O nekotorykh paralelyakh v pol'skoy i russkoy poezii XIX–XX vv.: (poema Gustava Zelinckogo “Kirgiz” i russkiy perevod Georgiya Grebenshchikova) [On some parallels in Polish and Russian poetry of the 19th – 20th centuries: (Gustav Zelinsky's poem “Kirghiz” and Russian translation of Georgy Grebenshchikov)]. *Acta Polono-Ruthenica*. 2014, no. 19, pp. 7–6.
- Aykhenval'd Yu. I. *Siluety russkikh pisateley* [Silhouettes of Russian writers]. Iss. 1. Moscow, 1906.
- Chernova I. V. Obraz polyaka v sibirskikh periodicheskikh izdaniyakh kontsa XIX – nachala XX v. [The image of the Pole in the Siberian periodicals of the late 19th – early 20th century]. In: *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii Rossiyskoy administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri: Sb. nauchn. tr.* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th century in perception of the Russian administration, immigrants and indigenous people of Siberia. Coll. of sci. art.]. Omsk, Poligraf. tsentr KAN, 2015, pp. 354–361.
- Horbenko A. Yu. *Zhiznestroitel'stvo G. D. Grebenshchikova: genezis, mekhanizmy, semantika, kontekst* [Life-building of G. D. Grebenshchikov: genesis, mechanisms, semantics, context]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2016.
- Kachorovskaya A. S. *Zametki o modernizme: Sharl' Bodler* [Notes on Modernism: Charles Baudelaire]. Tomsk, 1910, 30 p.
- Kachorovskaya A. S. *Problemy obshchestvennogo materializma* [Problems of social materialism]. St. Petersburg, 1904.
- Khorev V. A. *Pol'sha i polyaki glazami russkikh literatorov. Imagologicheskie ocherki* [Poland and the Poles through the eyes of Russian writers. Imagological sketches]. Moscow, 2005.
- Nam I. V. *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostanstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migration and diaspora in the sociocultural, political and economic space of Siberia. The lobbies of the 19–20th and 20–21st centuries]. Irkutsk, Ottisk, 2010, pp. 315–355.
- Nikonova N. E., Seryagina Yu. S. Poeziya N. Lenau na stranitsakh tomskoy periodiki nachala XX v.: rezonansy perevodcheskogo vospriyatiya [The poetry of N. Lenau in Siberian periodicals in the early of the 20th century: resonances of translational perception]. *Scientific notes of Orel state university*. 2015, no. 6, pp. 196–200.
- Ostrovskiy L. K. Pol'skie krest'yane v Sibiri (1890-e – 1930-e gg.) [Polish peasants in Siberia (1890–1930ies)]. In: *Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost': aktual'nye voprosy: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf.* [Siberian-Polish history and modernity: topical issues: coll. of materials of the international. sci. conf.]. B. S. Shostakovich (Ed.). Irkutsk, 2001.
- Perevody angliyskoy i amerikanskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri: Khrestomatiya* [Translations of English and American literature in the pre-revolutionary period of Siberia: Reading-book]. V. N. Gorenintseva, N. E. Nikonova, D. A. Olitskaya, et al. Tomsk, TSU, 2016, 252 p.
- Perevody nemetskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri: Khrestomatiya* [Translations of German literature in the pre-revolutionary periodicals of Siberia: Reading-book]. N. E. Nikonova, Yu. S. Seryagina, D. A. Olitskaya, et al. Tomsk, TSU, 2016, 204 p.
- Perevody frantsuzskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri: Khrestomatiya* [Translations of French literature in the pre-revolutionary periodicals of Siberia: Reading-book] N. E. Nikonova, D. A. Olitskaya, V. N. Gorenintseva, et al. Tomsk, TSU, 2016, 280 p.
- Skubnevsky V. A. Pol'skoe naselenie Sibiri po materialam Perepisi 1897 g. [Polish population of Siberia according to the materials of the population census in 1897]. In: *Pol'skaya ssylka v Rossii XIX – XX vekov: regional'nye tsentry – Polscy zeslańcy w Rosji XIX–XX stuleciu: ośrodk regionalne* [Polish exile in Russia of the 19–20th centuries: regional centers]. Kazan, Master Layn, 1998.

Tikhomirova Yu. A. Pseudoperevody G. A. Vyatkina iz Roberta Bernsa [Pseudo translations of G. A. Vyatkin from Robert Burns]. In: *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noe literaturovedenie: Sb. nauchn. st.* [Literary translation and comparative literary study: Coll. of sci. art.]. Moscow, 2014, pp. 393–401.

List of sources

Sibirskaya zhizn': gazeta politicheskaya, literaturnaya i ekonomicheskaya [Siberian life: a political, literary and economic newspaper]. Tomsk, 1894–1919.

Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni [Siberian herald of politics, literature and public life]. Tomsk, 1885–1905.